

УДК 81'42; 801.7

В.С. Ли,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета
им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: li-vs@mail.ru

О категориях смысловой организации текста

В лингвистике текста ключевыми категориями текста как продукта дискурсивной (речемыслительной) деятельности признаются понятия связности и цельности. Эти категории в статье анализируются с использованием понятийного и научного аппарата когнитивно-дискурсивной парадигмы знания. При этом связность и цельность исследуются на уровне смысловой организации текста. Семантико-смысловые функции этих категорий составляют онтологию текста, именно эти категории формируют то смысловое и языковое единство, которым текст отличается от не-текста или рудиментарного текста. В статье обосновывается положение о том, что смысловая организация текста определяется не столько лексико-синтаксическими средствами, сколько семантико-смысловыми единствами. К ним относятся пространственные (топологические), временные (темпоральные) и событийные (пропозициональные) единства текстовых формаций. Пространственное единство формируется по принципу заполнения пустот. Временное единство репрезентируется в тема-рематической общности содержания. Событийное единство зиждется на пропозициональной структуре текста. При этом особую роль в смысловой организации текстовых образований играет нулевая пропозиция, полностью опирающаяся на когнитивные способности носителей языка. Фактическим материалом для анализа смысловой организации текста послужили произведения русской классической литературы и газетные публикации.

Ключевые слова: текст, дискурс, связность текста, цельность (целостность) текста, пропозиция, тематическое единство, тема-рематическое членение.

V.S. Lee

About categories of the semantic organization of the text

In text linguistics, the concepts of connectivity and integrity are recognized as key categories of the text as a product of discursive activity. These categories were analyzed in the article by using the conceptual and scientific framework of cognitive discursive knowledge paradigms. Thus connectivity and integrity are investigated at the level of the semantic organization of the text. Semantic and notional functions of these categories make the text ontology, these categories form the semantic and language unity in which the text differs from the not-text or the rudimentary text. The article substantiates that the semantic organization of the text is defined not so much by lexical and syntactic means, but by semantic unities. Spatial (topological), temporal and event (propositional) unities of text formations refer to them. The spatial unity is formed by the principle of filling the emptiness. The temporal unity is represented in the theme and rheme community of the content. The event unity is based on the propositional structure of the text. Thus, the special role in the semantic organization of text formations is played by zero-proposition, which fully relies on cognitive abilities of native speakers. Works of Russian classical literature and newspaper publications served as the material for the analysis of the semantic organization of the text.

Key words: text, discourse, connectivity of the text, text integrity, proposition, thematic unity, theme and rheme division.

В.С. Ли

Мәтіндімағынасымен ұйымдастырудың категориялары туралы

Мәтін лингвистикасында мәтіннің маңызды категориялары деп, дискурстық(ойлап сөйлеу) әрекеттің өніміретінде оның байласымдылығы мен тұтастығын айтуға болады. Мақалада білімнің

когнитивті-дискурстық парадигмасының ұғым мен ғылым аппаратын қолдана отырып, осы категориялар талданған. Сонымен мәтінді мағынасымен ұйымдастыру деңгейінде оның байласымдылығы мен тұтастығы зерделенген. Осы категориялардың семантикалық-мағыналық қызметі мәтіннің онтологиялық ілімін құрайды, атап айтқанда бұл категориялар мәтіннің мағыналық және тілдік ортақтастылығын құрайды, яғни оны мәтін емес немесе жетілмеген мәтіннен айырмашылығын ажыратады. Мақалада мәтіннің мағыналық ұйымдастырылуы лексикалық және синтаксистік құралдар ғана емес семантикалық-мағыналық ортақтастығы деген ұғым туындалады. Оларға мәтін формациясының кеңістік (топологиялық), уақыт (темпоралдық) және оқиғалы (пропозиционалды) құрастырушы категориялары жатады. Кеңістік тұтастығы мағынасы жоқ бос орындарды толтыру қағидасымен құрылады. Уақыт тұтастығы мәтін мазмұнының шекарасын анықтайтын тақырып-ремалық тұтастығын қайта таныстырады. Оқиғалы тұтастық мәтіннің пропозициялық құрылымынан белгіленеді. Сонымен мәтін құрудың мағыналық ұйымдастырылуында тіл тасушының когнитивтік қабілетіне толығымен негізделетін нөлдік пропозицияның маңызы зор. Мәтінді мағынасымен ұйымдастыруды талдауға арналған деректі материалдары ретінде орыс классикалық әдебиетінің шығармалары мен газет жарияланымдары болды.

Түйін сөздер: мәтін, дискурс, мәтін байласымдылығы, мәтін тұтастылығы (бүтіндігі), пропозиция, тақырыптың біртұтастығы, тақырып-ремалық бөлшектенуі.

Современная лингвистика текста испробовала, пожалуй, все возможные на сегодняшний день подходы к исследованию и описанию текста, этого сверхсложного феномена речемыслительной деятельности человека. Если обратиться к научной литературе последних лет, (см., в частности, [1]; [2]; [3]; [4] и др.), то в исследовании текста можно заметить две явные тенденции: с одной стороны, к очень широкому пониманию текста (вплоть до отождествления его с дискурсом как речемыслительной деятельностью) и, с другой стороны, к рассмотрению текста в контексте нелингвистических феноменов и категорий, в контексте жизнедеятельности человека и социума. Тем не менее, текст, рассматриваемый как продукт дискурсивной деятельности, характеризуется рядом релевантных признаков и категорий, среди которых наиболее существенными признаются связность и цельность (целостность).

Если связность текста обусловлена собственно языковой «технологией» (в данном случае по отношению к этому явлению вполне приемлем термин «грамматика текста»), то цельность текста создается не только связностью (когерентностью) его компонентов, но и когнитивными представлениями автора текста и его реципиента, способных хранить и использовать в своей памяти те логико-семантические и концептуализированные языком знания, на основе которых создается единство смыслового комплекса, формирующего текст и его отдельные фрагменты (сверхфразовые единства, пропозициональные единства). Смысловое единство шире явления пропозитивности (пропозицио-

нальности) (о понятии пропозитивности текста см. [5, 262-303]), поскольку первое основывается и на таких неязыковых категориях, которые отражают экстралингвистические содержательные параметры.

Смысловое единство формируется прежде всего с помощью тематической (предметно-содержательной) связности компонентов текста, рассматриваемого как продукт речемыслительной деятельности. Предложения типа 1) *В огороде бузина, а в Киеве дядька*; 2) *В городе дядя. В огороде бузина. Подарили ей колечко, она стала весела* и т.п. примеры бессмысленных речений демонстрируют нарушение правил тематической цельности.

Однако близкие к ним по языковому значению соединения предложений в случае соблюдения общности темы воспринимаются как осмысленные, целостные единицы, например: 3) *Собака лает, караван идет и др.* Ср. также: 4) **В доме стоят столы и стулья, а в голове у него только глупые фантазии* и 5) *В доме большие родители и дети, а в голове у него одни глупые фантазии*. Это тематическое (предметно-содержательное) единство, создающее цельность текста или его фрагмента может быть соотносено с другими осмысленными соединениями предложений или получить языковую номинацию с помощью тематического ярлыка (в примере 5) - «Беспечный человек»). Это свидетельствует о том, что в осмысленных и семантически отмеченных объединениях предложений связность и цельность текста формируются нулевой пропозицией. В примерах 3) и 5) нулевую пропозицию можно эксплицировать следующим

образом: 3) *Собака лает* - 'Собака хочет остановить караван' - *А караван идет*; 5) *В доме больные родители и дети* - 'Они нуждаются в помощи и поддержке' - *А в голове у него одни глупые фантазии*. Нулевая пропозиция, следовательно, в этих и подобных им случаях служит средством соединения предложений в единое смысловое целое (когерентное множество).

Невозможность экспликации нулевой пропозиции свидетельствует о «развале» текста, утрате связности и, как следствие, об отсутствии тематического единства. В спонтанной устной речи подобное явление встречается нередко, и оно характеризует индивидуальные психологические особенности конкретной личности, а также свидетельствует о «недисциплинированности» мысли, о чем Н.В. Гоголь писал следующее: «У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чем-нибудь, он никогда не вспомнит, не приберет всего в голову и даже просто ответит, что не знает, а если спросить о чем другом, тут-то он и приплетет его, и расскажет с такими подробностями, которых и знать не захочешь».

Вместе с тем нарушение тематического единства при сохранении грамматической связности может стать сознательным приемом автора текста, преследующего определенные цели. Так, в художественной литературе, особенно в поэтической речи, в связи с осознанной игрой ассоциациями, нарушение тематического единства лежит в основе приема абсурда, как в следующем примере из повести Н.В. Гоголя «Нос»:

Как мне ему объяснить?» - подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал:

- Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница и другие... Вы посудите сами, я не знаю, милостивый государь. (При этом Ковалев пожал плечами). Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

- ничего решительно не понимаю, отвечал нос. - Изъяснитесь удовлетворительнее.

Нарушение тематического единства как осознанный прием научного исследования, как «языковой эксперимент» обычно используется для установления особенностей смыс-

ловой связности для текстов, построенных по так называемому принципу жесткого задания, а также для классификации текстов по степени связности их компонентов (см., например, такое деление: не-тексты, рудиментарные тексты, полнооформленные тексты). Квета Кожевникова [Синтаксис текста] приводит такой пример рудиментарного текста из работы Р. Харвега: *Вчера я был в Берлине и купил там пальто. В Берлине три университета. В этих университетах обучаются около ста тысяч студентов...* (цитируется по работе [6, 59]).

Этот пример и ему подобные интересны еще и тем, что позволяют смоделировать и обратный процесс, а именно: как происходит формирование правильного (цельнооформленного) текста из не-текста или рудиментарного текста. С этой целью продолжим «языковой эксперимент» с текстом Р. Харвега: Вместо *пальто* поставим *книгу о вузах Берлина* или *справочник «Вузы Берлина»*. При формальном актуальном членении *в Берлине* следует признать ремой первого предложения, что подчеркивается в дальнейшем наречием *там*. По отношению к нему ремой выступает слово *пальто*. Из этого с очевидностью следует, что *пальто* должно стать темой в следующем предложении. Вместо этого второе предложение, которое должно было начинаться именно с этого слова или местоимения *оно*, в начальной позиции (в позиции темы) имеет *в Берлине*, чем нарушается связность текста. Для создания связного текста из этого рудиментарного следует заменить *купил пальто* на *купил книгу о вузах Берлина* или *купил справочник «Вузы Берлина»*, т.е.: «...*купил книгу о вузах Берлина. В Берлине три университета. В этих университетах обучаются ...*». Но в таком случае возникает вопрос: почему при всей «правильности» и смысловой связности текста не соблюдены правила тема-рематического членения предложения *В Берлине три университета*, поскольку оно должно было начинаться с темы *книга* или *справочник*. Это свидетельствует о пропущенном звене между первым и вторым предложениями, т.е. о нулевой пропозиции 'Из книги (справочника) я узнал...' или 'В книге сообщается о том, что...' На подобное явление обратила внимание и Г.А. Золотова, которая, рассматривая такое единство цепочек, как (1) *Зимняя ночь*. (2б) *Вдоль леса идет охотник*. (3б) *Стоит полная женщина*, пишет: «... между (2б) и (3б) ощущается нехватка звена, которое указывало бы на восприятие первым персонажем

второго и/или на локализацию положения второго (допустим: *и видит: у дороги...* и т.п.) [7, 114].

Введение понятия нулевой пропозиции (в рассматриваемом нами примере между первым и вторым предложениями) позволяет объяснить, почему пропозиции, следующие за нулевой, выполняют функцию ремы, так как вся информация передается не столько тема-рематическим членением, сколько всем сочетанием темы и ремы в самой пропозиции. Следовательно, нулевая пропозиция позволяет установить и восстановить имплицитные смысловые связи между компонентами (предложениями), составляющими текст как целое, основанное на тематическом (предметно-содержательном) единстве.

Другой разновидностью смыслового единства, однако не обязательно опирающегося на явление нулевой пропозиции, можно назвать пространственным единством, при котором цельность текста основывается на знаниях естественных связей между объектами в пространстве. Этот тип цельности широко используется в описательных текстах, прежде всего в художественных, например:

Гостиния статского советника Шарамыкина окутана приятным полумраком. Большая бронзовая лампа с зеленым абажуром красит в зелень а la «украинская ночь» стены, мебель, лица... Изредка в потухающем камине вспыхивает тлеющее полено и на мгновение заликает лица цветом пожарного зарева; но это не портит общей световой гармонии, общий тон, как говорят художники, выдержан.

Перед камином в кресле, в позе только что отобедавшего человека, сидит сам Шарамыкин... (А.Чехов. Живая хронология).

В текстах подобного типа когерентное множество образуется на основе единства локальных (топологических) представлений, которые дают возможность вербального линейного развертывания пространственного континуума в форме материальных сущностей, т.е. предметов, вещей и живых объектов. В приведенном примере такими сущностями по отношению к слову *гостиния* выступает следующий ряд: *бронзовая лампа, абажур, стены, мебель, кресло* и т.д. Связь пространства с вещами и предметами, которые структурируют и делимитируют пространственный континуум, отмечалась многими философами, логиками и лингвистами. Вот что пишет, в частности, И.М. Кобозева: «Вербальные описания пространства вне философского

и научного контекстов, со всей очевидностью, воплощают стандартно-бытовое понимание пространства. Это обыденное понимание пространства отличается как от научного, так и мифопоэтического, при этом имея с ними ряд общих черт. Общим для всех концепций пространства (кроме ньютоновского «пустого») является его неразрывная связь с вещами (материальными объектами). Обыденное описание пространства, будь то ландшафт, интерьер или «то, что лежит на столе», представляет, по сути, перечисление размещающихся в нем «вещей» с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Таким образом, обыденное пространство есть объектно-заполненное пространство ([8, 154]).

Однако «объектно-заполненное пространство» как факт мира материального бытия в дискурсе преобразуется в иное, конструируемое говорящим пространство, заполняемое наиболее репрезентативными и существенными для него объектами. Тем самым формируется своего рода когнитивная карта пространства, которая воплощается затем в последовательной вербальной цепи, реализующей тот или иной дискурс. Вместе с тем, ясно, что ни одна «когнитивная карта пространства», созданная по принципу когнитивной семантики (об этом см. [9, 33-39]) и воплощенная в вербальном тексте, не ставит перед собой цели полного «заполнения» пространства; связность и цельность текста создаются именно тем, что «заполнители» (люди, вещи, предметы, события и т.п.) должны быть объединены единым пространственным представлением, причем условием цельности текста (в отличие от связности) не выступает требование обязательного заполнения пустот между пространственными сущностями, т.е. между «заполнителями пространства» по схеме цепной связи. Во многих дискурсах (не только вербальных) смысловое единство, основанное на пространственных представлениях, строится именно по этому принципу. На это обратил внимание В.Н.Топоров, который при анализе Жития Феодосия Печерского отмечает: «Малое» пространство в тексте жития скорее заполнено («населено»), нежели организовано посредством четких (или, по крайней мере, без труда усматриваемых) связей. Интервалы между «заполнителями», как правило, не охарактеризованы («пусты»); переходы от одного «заполнения» к другому слабо мотивированы; смежность положения («сочинение») преобладает над причинными связями («подчинением»). Дух неп-

ринудительности, некоторой произвольности в «сочинении» элементов заполнения пространства (по принципу «а вот еще...», «и еще одно...». «кстати...» и т.п.) является определяющим, и это опять возвращает к аналогиям в живописи (многофигурное равномерное заполнение полотна)» [10, 637-638] (о наиболее типичных принципах и моделях пространственных представлений в художественных текстах см. [11]).

Обращаясь к приведенному выше примеру из А.П.Чехова, следует заметить, что элементы «заполнения» *лампа, абажур, мебель, камин* и др., входящие в пространство «гостиная», не структурированы в том смысле, что в тексте нет необходимости как-то семантически или логически связывать их в единое целое в виде иерархизированных компонентов смыслового или понятийного объединения.

Цельность текста создается также единством временных представлений, организованном на тех же когнитивных принципах, что и пространственное единство, как это можно заметить в следующем примере:

В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в беседке у Шумихиных и скучал. Его невеселые мысли текли по трем направлениям. Во-первых, на завтра, в понедельник, ему предстояло держать экзамен по математике; он знал, что если завтра не удастся решить письменную задачу, то его исключат, так как сидел он в шестом классе два года. Во-вторых, его пребывание у Шумихиных, людей богатых и претендующих на аристократизм, приняло постоянную боль его самолюбия... каждый день Володя умолял татап не ездить к Шумихиным... (А.Чехов. Володя).

Временные «пустоты» в приведенном примере не требуют своего заполнения в силу действия той же закономерности, что было выявлено при описании пространственного единства как условия цельности текста. Временное единство создается здесь за счет основного «заполнителя», в роли которого выступает один из персонажей рассказа (Володя). Время формирует свое единство, потому что оно воспринимается через «видение» его со стороны героя рассказа.

В других случаях цельность (не связность) текста формируется только с помощью временного (точнее, пространственно-временного) единства, особенно тогда, когда между «заполнителями» временного единства отсутствуют «пустоты», благодаря чему тематически, каза-

лось бы, не связанные между собой компоненты (предложения) образуют целостный текст. Хрестоматийные примеры типа *Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертания столицы во мгле* (А. Ахматова); *Полдень. За окнами душное лето* (К. Симонов) иллюстрируют в «чистом виде» положение о пространственно-временном единстве как об одном из условий смысловой цельности текста.

Подход к тексту как результату дискурсивной деятельности предполагает в нем также единство событийно-фактологического ряда. В отдельных случаях цельность и смысловая связность текста создаются, наряду с другими проявлениями смыслового единства, именно этим (событийным) единством содержания, когда в сознании автора определенное событие формирует свое пространство, «заполнителями» которого становятся события и факты, относящиеся к другим временным и пространственным вехам. По такому принципу строятся обычно разного рода сообщения, в том числе и газетные:

Тысячи алых гвоздик принесли дети к французскому посольству в Ереване на минувшей неделе, так как сенат Франции принял закон, признающий геноцид армян 1915 года. Проект закона был внесен мэром Марселя. Отныне, если на территории Франции кто-либо выступит с отрицанием факта геноцида армян в Османской империи, то может быть подвергнут судебному преследованию... (газета «Неделя», 16-22.11.2011).

В этом тексте смысловая цельность создается на базе генерирующего события «геноцид армян в 1915 году», все пропозиции текста проецируются читателем именно через это событие, хотя понижение ранга семантической диффузности исходной пропозиции в тексте не происходит. Автор текста событийное пространство строит за счет расширения временных и «территориальных» рамок (от Парижа и до Еревана...).

Таким образом, смысловая связность и цельность текста формируются пропозициональными отношениями между компонентами текста, благодаря которым создаются смысловые единства разных типов. Ясно, что каждое из них выступает в конкретном тексте в непосредственном взаимодействии со всеми другими типами смыслового единства и с другими средствами и категориями формирования текста как связного и цельного произведения речемыслительной деятельности.

Литература

- 1 Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.
- 2 Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
- 3 Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
- 4 Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: Наука, Флинта, 2012. – 208 с.
- 5 Ли В.С. Когнитивно-дискурсивный аспект категории пропозитивности в современном русском языке. – Алматы: Казак университети, 2004. – 330 с.
- 6 Кожевникова Квета. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1981. – С. 51-63.
- 7 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.
- 8 Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Изд.4. – М.: УРСС Эдиториал, 2009. – 352 с.
- 9 Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
- 10 Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 902 с.
- 11 Пыхтина Ю. Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – нач. XXI вв. Автореферат дисс... докт. филол. наук. – М.: РУДН, 2014. – 43 с.

References

- 1 Gal'perin I.R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya. – M.: KomKniga, 2007. – 148 s.
- 2 Dymarskiy M. Ya. Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoy prozy XIX—XX vv.) Izd. 3-e, ispr. – M.: KomKniga, 2006. – 296 s.
- 3 Prohorov Yu.E. Deystvitel'nost'. Tekst. Diskurs. – M.: Flinta, Nauka, 2010. – 224 s.
- 4 Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. – M.: Nauka, Flinta, 2012. – 208 s.
- 5 Li V.S. Kognitivno-diskursnyj aspekt kategorii propozitivnosti v sovremennom russkom yazyke. – Almaty: Kazak universiteti, 2004. – 330 s.
- 6 Kozhevnikova Kvet. Ob aspektah svyaznosti v tekste kak tselom // Sintaksis teksta. – M.: Nauka, 1981. – S. 51-63.
- 7 Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. – M.: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2004. – 544 s.
- 8 Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. Izd.4. – M.: URSS Editorial, 2009. – 352 s.
- 9 Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku. – Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014. – 236 s.
- 10 Toporov V.N. Svyatost' i svyatye v russkoy duhovnoy kul'ture. Tom 1. – M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. – 902 s.
- 11 Pyhtina Yu. G. Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya prostranstvennyh obrazov i modeley v russkoy literature XIX – nach. XXI vv. Avtoreferat diss... dokt. filol. nauk. – M.: RUDN, 2014. – 43 s.